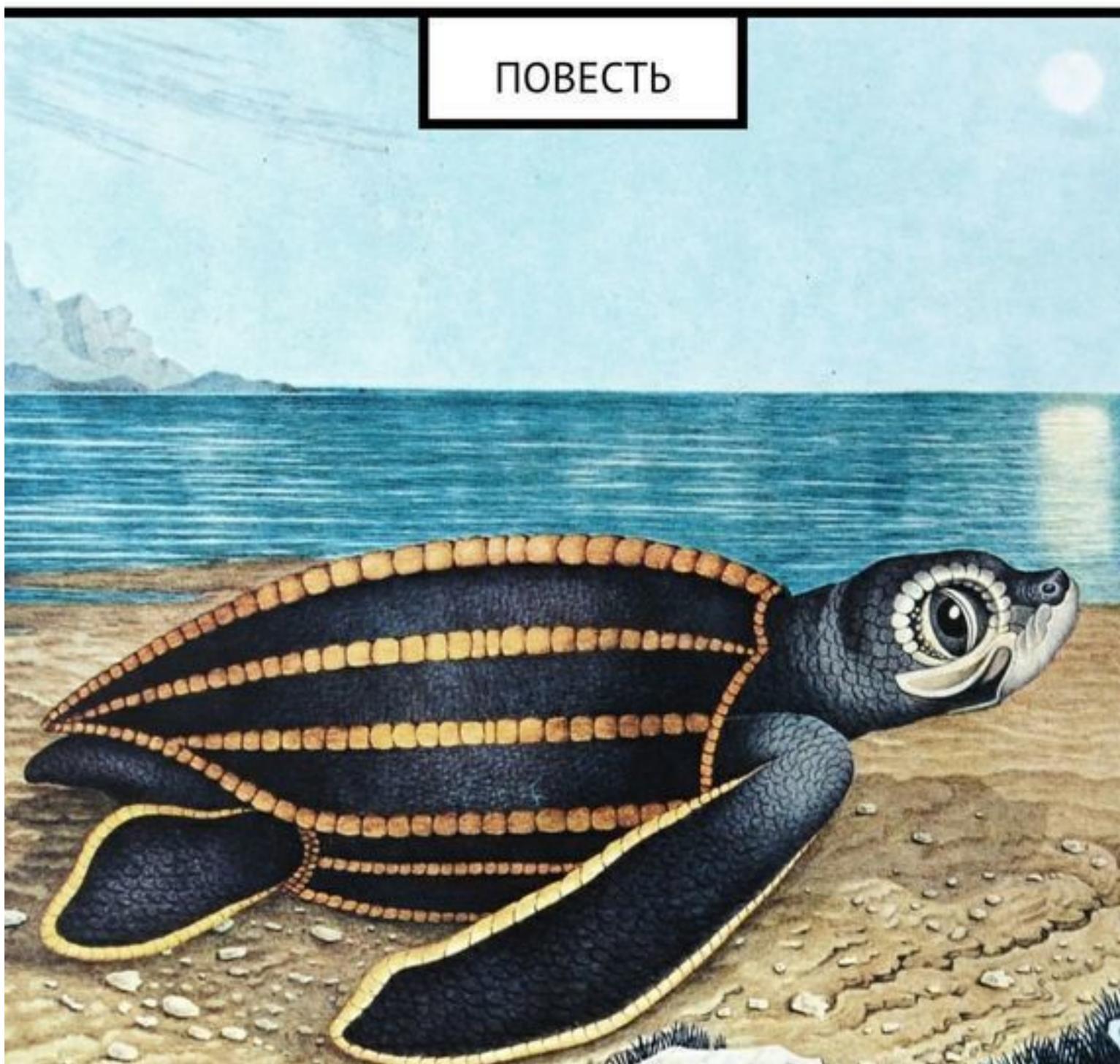

ЭЛЛИ ФЛОРЕС

Энкантадо

ПОВЕСТЬ

Элли Флорес

Энкантадо

«Издательские решения»

2015

Флорес Э.

Энкантадо / Э. Флорес — «Издательские решения», 2015

Великая Амазонка, Мать рек, хранящая тайны индейских племен, поющая о легендах подводных жителей — энкантадо. В чем ее секрет? Что скрывается в густой зелени сельвы? Здесь духи мертвых чувствуют себя, как дома, здесь рушатся иллюзии и гибнут близкие — но здесь же одинокая девушка-ученый, Элена Ривалду, находит друга и наставника, встречает странного раненого незнакомца и оказывается в самой гуще сражения между Высокими и Низкими богами. Два биения сердца. Между ними — вечность. И только она.

© Флорес Э., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

От автора	6
Часть 1. Эрмоса	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Энкантадо
повесть
Элли Флорес

© Элли Флорес, 2015

© Aloys Zötl, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Дорогие читатели! Я всегда любила рассказывать сказки, и если вы разделяете со мной эту любовь – смело садитесь в лодку воображения автора и погружайтесь в прекрасный и странный мир Амазонки будущего. Жанр – фэнтези с элементами мистики и НФ. Действие повести происходит в измененной климатической катастрофой реальности. Многие названия животных, племен, имена богов и прочие реалии произведения являются выдумкой автора и не имеют отношения к нынешней Амазонке и ее обитателям. Тсинакан – имя персонажа из рассказа Борхеса «Письмена бога». Да будут с вами и со мной только светлые и добрые духи. Эвогай!

Часть 1. Эрмоса

*Грациозно танцуют изящные цапли
Голенастые ноги подняв над водой.
С тонких клювов спадают блестящие капли,
Нарушая кувшинок беспечный покой.
А под ними, в глуби, молчаливые рыбы,
Улыбаясь своим примитивным мечтам,
Повторяют телами речные изгибы,
Чтоб добраться быстрее к безопасным местам...*

Ю. Вересова

Глава 1

Старик чинит острогу.

Его потемневшее от загара, в глубоких морщинах лицо покрыто мелкими капельками пота. Соломенная шляпа и накидка защищают от прямых солнечных лучей, но не от влажной жары. В этот час все, что способно двигаться, ползает, ходит, летать, плыть, прячется в самые укромные уголки сельвы и Великой Матери. Я должен бы вернуться в свою пещерку и отдохнуть там, набраться сил после неудачной утренней охоты. Вечером из притока приплывут Мамита и Тонто, и мы объединим силы в поисках рыбы: омете или вкусной серебристо-желтой каинды. Каинда покрыта шипами, ведет себя осторожно, выходит кормиться только в предзакатные часы. Не всякому она по зубам. Но Мамите что каинда, что белоспинный краб – все едино, она может и с молодым кайманом побороться, если нужно. С тех пор, как мы познакомились, я узнал больше охотничьих уловок, чем за всю предыдущую жизнь.

Да, я должен бы вернуться...

Вместо этого я прячусь у берега, за грудой мелкого, выброшенного бурей топляка, и смотрю на него. Я стараюсь дышать тихо, почти не выпуская фонтанчиков.

Почему меня так тянет к этому двуногому? Сам не знаю. Пламя его жизни способно скорее оттолкнуть, чем привлечь – темное, цвета грозового облака, с легкими проблесками багрянца и серебра. Он живет здесь давно, этот убийца убийц, и воды Матери покорились ему. Я видел, как он охотился на черных кайманов, воровавших рыбу из его ловушек...

В канун новолуния старик встретил у водопоя большую самку йавы. Она только что дожрала пекари и отмывалась. Гром, вспыхка, визг, струйка ее крови, расплывающаяся в белой воде... Я боялся этой кошки, очень боялся – однажды она напала и преследовала меня в воде до тех пор, пока я не обманул ее, нырнув так глубоко и так надолго, что от нехватки воздуха легкие мои почти разорвались. И обрадовался ее смерти.

Но я не из-за нее приплыл. Быть может, старик привлекает меня своим упрямым одиночеством? Да, это правда... рядом с ним нет двуногих, ни самца, ни самки. Нет даже молодняка.

У меня тоже никого нет. Мамита и Тонто не в счет, они не моя семья. Мы просто стали на время стаей ради охоты. Когда начнется сезон дождей, они уйдут по разливу, и я останусь совершенно один...

Один...

Светловолосый парень, который ведет катер – Энди, что ли? – уже в который раз оглядывается на меня и подмигивает. Я не реагирую. Его улыбочка бледнеет, он вновь смотрит

вперед, и по его плечам и затылку я понимаю, какими эпитетами он награждает меня сейчас. Пожалуй, я даже могла бы подсказать ему пару-тройку новых выражений. Но лучше не надо, это провинция, а не шальной Рио, где парни на любую подколку могут тебя шуточно отбрызнуть и при этом не обидеться за свою драгоценную мужскую честь.

Энди... нет, все же его зовут иначе... прибавляет скорость, хотя необходимости в этом нет. Моя прическа погибает бесславной смертью, дышать нечем – ветер бьет в лицо. Прекрасно. Он уже начал мне мстить за пренебрежение.

– Потихе, друг!

Он делает вид, что не слышит. Я тянусь вперед и хлопаю по правому плечу, потом ору, что есть сил:

– Сбрось скорость!

Он выполняет мой приказ буквально, и я едва успеваю упереться ладонями в спинку переднего кресла. Поганец сделал это намеренно. И знает, что я это знаю. И ждет от меня соответствующей реакции.

Низко над водой пролетает цапля, торопясь к гнезду. Откуда-то доносятся голоса поющих сомиков. Сельва смотрит на нас тысячько глаз и ждет.

Я спокойно выпрямляюсь и вздыхаю. Потом потягиваюсь, словно ленивая сытая кошка, разводя руки и закидывая их за голову. Он опять оборачивается, и глаза у него лезут на лоб. Я намеренно замираю секунд на десять в этой провоцирующей позе, потом, словно очнувшись, поправляю одежду, застегиваю рубашку на все пуговицы, до самого верха, и нежно-нежно улыбаюсь возникшему:

– Ой, как хорошо, что ты остановился. Забыла предупредить, меня на большой скорости укачивает. Слабый вестибулярный аппарат. Ты настоящий джентльмен, Э... Энрике.

Фу, вспомнила, наконец, его имя.

Он бормочет нечто маловразумительное, сплевывает за борт и запускает мотор на малые обороты:

– Так пойдет, сеньорита Ривалду?

Ну и ну, мы можем быть вежливыми. Я улыбаюсь, сладкая, как сто кило сахара:

– Ага. Спасибо тебе, ты просто чудо. Никогда не встречала такого заботливого парня, даже в Рио.

Я наблюдаю за тем, как из-за воротничка его рубашки выползает предательская краснота. Каменное лицо – довольно симпатичное, кстати – оттаивает. Давно бы так...

...а все-таки у президента транснациональной компании «Регент Лодж Инкорпорейтед» и крупнейшего спонсора нашего факультета Мануэла Келадо мог бы быть более воспитанный сын. Видно, природа действительно отдыхает на детях сильных мира сего. И Мануэл не без причины отправил сына работать простым помощником управляющего в один из своих самых отдаленных отелей на берегу Амазонки.

Последнюю часть пути мы с Энрике преодолеваем в мирном молчании. Он помогает мне выбраться из катера, выносит вещи и коробки с продуктами и по-джентльменски прощается.

– Я завезу вам воду и еду через шесть дней. Не беспокойтесь.

– Я и не беспокоюсь, ты человек ответственный и надежный.

Эх, переборщила с лестью. В его глазах появляется хорошо мне знакомое выражение восхищения, смешанного с примитивным желанием. Я торопливо добавляю:

– Мой жених такой же. Думаю, вы понравитесь друг другу.

Энрике мрачнеет и торопливо запрыгивает обратно. Через пару минут стук мотора раздается уже с середины медленно текущей реки, а еще через минуту в него вплетается песенка:

*Ай, сокровище, не смотри на меня так, не надо,
Ай, прекрасная, не смотри на меня так, не надо,*

*Любовь в моем сердце глубже Матери рек,
Любовь огня горячее, ветра быстрее
Любовь нам с тобой напорочили энкантадо...*

Хижина на сваях кажется пустой, но это лишь видимость. На самом деле Джофре давно уже сидит за прикрытыми ставнями и разглядывает меня и мои пожитки. Бьюсь об заклад, в нем сейчас борются противоположные желания – стремление вытолкнуть меня отсюда пинками и тяга к человеческому общению.

Я прикладываю руки ко рту и громко зову:

– Джофре! Э-эй! Где ты, отшельник? Я вернулась!

Я прямо чувствую, как старый угрюмец пытит там, за ставнями, пытаюсь придумать благовидный предлог, чтобы выпроводить меня восвояси. Не придется ли переживать такую же войну, как прошлым летом, когда я впервые приехала сюда? Если да, это поможет мне отвлечься от мыслей о Кристобале.

...о, будь оно все неладно. Даже в мыслях нельзя, нельзя мне произносить его имя. Там, где был свет, теперь только темнота, запах его смазанных какой-то блестящей гадостью волос, наруганные щеки, плотно сомкнутые тонкие губы, судорожные всхлипы его многочисленных братьев, сестер, дядюшек, тетюшек, и я – сидящая на задней скамье в старинной душной церквушке, и мерный речитатив одетого в лиловую сутану священника... Темнота, ничего, кроме темноты.

И мой последний поцелуй, остывающий на его ледяном лбу.

Дверь хижины распаивается, старик спускается по грубо сколоченной лестнице, подходит. Он без шляпы, потемневшая от пота майка сползла с одного плеча, на левой брючине полосы подсохшей крови. Цепкие серые глаза ошупывают меня с ног до головы.

– А, это ты. Явилась.

Я крепко жму вроде бы нехотя протянутую навстречу широкую сухую ладонь и киваю на вещи:

– Как обещала. Поможешь?

Он хмыкает, легко вскидывает на плечо здоровенный ящик с бутылками питьевой воды и идет обратно. Бросает через плечо:

– Сумку свою тащи в дом сама. Не надорвешься.

Я так и делаю.

Свист Мамиты прерывает мою дремоту. Малыш Тонто радостно толкает меня носом в бок, я отвечаю ему легкого пинка и здороваюсь с его родительницей.

«Рада, Молодой»

«И я рад, Мамита. Ты кормила его?»

«Да. Можем отправляться на охоту. В реке появились новорожденные черепахи»

Я издаю возбужденный свист и хлопаю грудными плавниками. Мамита выразительно прищелкивает и делает пируэт.

«Самая вкусная еда. Вкуснее только пираньи, но сейчас не их время. Так, Мамита?»

«Так, Молодой. Идем, это недалеко от перекрестка»

Мы выплываем из пещерки, жмурясь и отворачиваясь от косых, жгучих солнечных лучей. Мамита оборачивается и велит Тонто остаться в убежище. Он капризничает, бодает ее хвост, возмущенно свистит и хнычет. Она мгновенно принимает позу строгого запрета, и малыш возвращается.

Она плывет рядом, всплывает одновременно со мной, вдыхает, ныряет и уже под водой выразительно поводит головой.

«Я избаловала его. Наверное, я плохая мать...»

«Ты отличная мать, Мамита. Лучшая из всех, что я видел»

«Много ты матерей повидал на своем веку, Молодой»

И она стреляет в мою сторону такой яркой мыслеволной, что я захожусь в беззвучном свисте-смехе.

«Эй, хватит. Мне надо сосредоточиться. Кто загонщик сегодня?»

«Ты. Я буду хватать»

Мы следуем по протоке мимо островка, доплываем до перекрестка – места, где Великая Мать бросает в сторону приток-руку, видим плывущих вдоль берега маленьких черепах с зелеными, еще не затвердевшими панцирями. Мой рот наполняется слюной, я набираю запас воздуха, ныряю на большую глубину и разгоняюсь. Миг – и черепашата остались позади, еще миг – я мчусь к поверхности и выпрыгиваю из воды. Они пищат и бросаются в противоположную сторону... где уже поджидает голодная Мамита. Она изящно убивает их меньше чем за полминуты.

Пока она лакомится своей долей добычи, откусывая маленькие кусочки, я наспех проглатываю свою. Мамита косится на меня, но не делает обычных замечаний насчет дикости и невоспитанности. Вот и хорошо.

В конце концов, я не виноват, что никогда не жил в семье. Некому было учить меня манерам...

Попрошу Мамиту рассказать легенду Начала о битве Высоких и Низких богов. Может, это ее отвлечет.

Мы не воюем, а мирно ужинаем в большой комнате. Мотыльки бьются об оплетенную металлической сеткой керосинку, подвешенную к потолку, падают на пол, неуклюже ползают по выскобленным доскам. Похоже на Джофре. Сам может ходить в грязном неделю, но дом содержит в чистоте и порядке. Зачем? Ради Марии. Ради женщины, погибшей давным-давно у водопада Сороре.

Ее фотография висит на стене – старая, выцветшая, в рамке, украшенной кусочками халиотиса и мелким речным жемчугом. Под ней стоит столик, на котором пылает неугасимая свеча. Прошлым летом возле свечи стояло старое бронзовое распятие. Теперь его нет.

Джофре ловит мой взгляд и усмехается.

– Я его не убирал. Так уж случилось...

– Все нормально, Джофре. Это твой дом.

Он прожевывает кусок рыбы, стирает соус с губ куском лепешки и облизывает пальцы. В который уже раз я поражаюсь величине его рук. Руки, плечи, голова старика могли бы принадлежать библейскому исполину. Но ростом он не вышел. Все вместе смотрится странно... но ни в коем случае не смешно.

Даже не знаю, найдется ли в Бразоамерике человек, достаточно смелый для того, чтобы посмеяться над Черным Джофре.

– Я, правда, не убирал. Я его швырнул.

Его серые холодные глаза не мигают. В них ни искорки смеха.

– То есть как... швырнул?

– В паршивую акулу. Она вздумала охотиться прямо у меня перед носом. Гнала рыбу и шумела. Целый концерт. Я крепко выпил и был зол, как вся преисподня.

– И швырнул распятием в акулу, – я кладу вилку и нож и облизываюсь. – Ты страшный грешник, Черный. Мне придется усилить молитву за тебя.

– Усиль, девочка. На том свете мне понадобится пропасть молитв, чтобы добраться хотя бы до порога чистилища.

– Прекрати ругаться на ночь глядя. И вообще... неужели ничего другого не нашлось?

– Сказал же, пьян был. Купил хорошей кашасы, чистое «сердце».

Мы молча смотрим друг на друга. Я сдавленно фыркаю и утыкаюсь в ладони. Меня просто распирает изнутри.

Его твердые, перечеркнутые шрамом губы слегка растягиваются. Для Джофре это равнозначно нормальному человеческому смеху.

Вытерев слезы, я иду на кухню и залезаю в шкафчик со спиртным. Ни следа кашасы или рома. Ясно. У старика покаянный период, наступающий сразу после очередного запоя. Скорее всего, через пару недель шкаф будет полон. А пока придется довольствоваться своими запасами.

При виде бутылки шардоне Джофре поднимает бровь. Протягивает лапу и нежно сворачивает стеклянную шею. Наливает в подставленные мной рюмки и делает первый глоток. Выражение его лица становится почти благоговейным.

– Попка младенца.

Я давлюсь своей порцией и кашляю.

– Перестань, Черный. Просто пей и дай выпить мне. Сегодня мой первый день на Реке.

– Свежескошенная трава, – он задумчиво побалтывает жидкость в рюмке и делает еще глоток. – Коровы со сливочно-гладким выменем, позванивающие большими колокольцами. Снег и огонь в очаге.

Он отхлебывает еще.

– За тебя, девочка. За Реку. И снова за тебя.

Я улыбаюсь и чокаюсь с ним.

– Старый вредный романтик. Твое здоровье.

После трех рюмок я плотно затыкаю пробку и уношу пузатенькую искусительницу в свою комнату. Джофре провожает ее мечтательным взглядом.

– Франкары не дураки. Одно время я думал поселиться там, а не в Бразоамерике.

– Отчего же не поселился?

Джофре перебирается на свой любимый продавленный диванчик, устраивается со вкусом. Я отказываюсь от предложенной сигареты и делаю разрешающий жест. Он закуривает и прищуривается на меня.

Говорить он не расположен и всем своим видом показывает это. Джофре – это Джофре. Старая устрица, не желающая раскрывать свои каменные створки. Чуть-чуть приоткрылись они год назад, в мой первый приезд, и сразу захлопнулись.

Я не лезу никому в душу против воли. Друзья говорят, это одна из моих самых привлекательных черт. Крестобаль всегда добавлял – после глаз.

...проклятье! Забылась, расслабилась, отвлеклась – и вот результат...

Я желаю ему спокойной ночи и иду к двери в спальню.

– На твоём месте я бы не пил ночью.

Его негромкие слова ударяют мне в спину, как выстрел. Я потрясенно оборачиваюсь.

– А если захочется, тогда лучше разбуди меня.

Я заставляю себя захлопнуть рот и отправляюсь спать.

Глава 2

У высокого берега притока есть одно местечко, которое мне очень нравится. Уютно-округлое, заросшее кувшинками, с почти прозрачной водой, которая пенится и кипит там, где три струи – одна широкая, две узкие – падают сверху. Здесь великое множество маленьких жирных угрей и пугливых придонных рыбок-пенит, славно хрустящих на зубах и оставляющих во рту привкус незлой горечи.

Я ловлю их, раскапывая носом ил, и на несколько минут вода темнеет от поднявшейся наверх мелкой взвеси. Для меня это не имеет значения, охота идет нормально, с глазами или без них... но видеть все же так приятно! Всплываю на поверхность и замираю, дожидаясь момента, когда все успокоится.

Утренние лучи не обжигают – ласкают и нежат мою макушку, целуют дыхало, скользят по спинному горбу и в конце концов убегают в сторону, растворяясь в зеленом сумраке сельвы. Я поворачиваю голову к противоположному берегу и слышу шум. Кто-то издает странные чокающие звуки, ветви трещат и скрипят, густая завеса лиан медленно раздвигается. Двухогий.

Нет, двухогая! Молодая темнокожая самка. Она замирает, увидев меня. Ее глаза блещут, черные пряди падают на плечи, прилипая к мокрой шее, губы удивленно приоткрываются. Пламя ее жизни вспыхивает, пульсирует, наливаясь золотисто-розовым, и я незаметно для самого себя приближаюсь к берегу.

Я никогда еще не видел такого прекрасного пламени. Оно завораживает меня своим неистовым вихревым движением-танцем. Проходят минуты или часы... мое сердце бьется часто и громко, я забываю об осторожности, забываю обо всем.

Она садится на корточки и протягивает ко мне руку – медленно, робко, мягко округлив тонкие слабенькие отростки... пальцы, Мамита называла их пальцами. Я мог бы откусить их так же легко, как конечности взрослого краба. Она что-то говорит, но из-за низкого, тревожного звона в ушах я ничего не могу разобрать. По позвоночнику пробегает сильная судорога. Я разеваю рот и издаю слабый приветственный свист.

Ее пальцы касаются моей головы, и я освободившейся пружиной бросаюсь прочь, уходя из притока, из омута ее глаз, из огня, в котором мне суждено сгореть – вместе с ней.

Рюкзак с оборудованием валяется на траве, по воде бегут волны. Иния исчезла.

Голова кружится, и я сажусь рядом с рюкзаком, лихорадочно пытаюсь привести мысли и чувства в порядок.

Я прикасалась к ней... к нему. Определенно, это был молодой самец. Почти два метра ростом, великолепно развитый, с голубоватой спиной и бледно-желтыми глазами.

Его глаза. Взгляд человека.

«Никогда не смотри в глаза боуту, птичка. Они колдуны. Посмотришь – и сама не заметишь, как окажешься на дне Матери рек, в городе Энканто»

«Розита, я хочу туда! Хочу в Энканто... пожалуйста...»

Ох, и затрещину я тогда получила от вспыльчивой седой Розиты... Домоправительница из Баии не была сторонницей новомодных мягких методик воспитания детей, совсем нет. Она правила мной, братом и заодно моими родителями, как древний возникший – бешеной квадратной, то ослабляя, то натягивая вожжи, интуитивно соразмеряя свою силу с нашей выдержкой.

Это Розита ходила за мной два месяца после похорон Кристобая, терпеливо уговаривая выпить еще ложку бульона, заставляя встать, причесаться, одеться, выйти погулять в парк или на пляж. Это она отвечала на звонки приятелей, весело проводивших время в ночных клубах Копакабаны, мамы, переехавшей к отчиму в Боготу, брата Робби, путешествующего

где-то в Гималаях. Она же разговаривала с моим научным руководителем Ортегой, всемирно признанным специалистом-экспертом по физиологии двоякодышащих рыб, и убеждала подождать – совсем, совсем недолго, не посылать нового полевого исследователя в этот район, дать мне последний шанс.

Розите я была обязана счастливым детством и любовью к жизни. А еще – любовью к сказкам.

Боуту, таинственные жители Амазонки, почти истребленные в конце прошлого столетия, ставшие мифом. Боуту, избегающие алчных людей с сетями и острогами, с винтовками и взрывчаткой, тихие тени в притоках огромной реки.

Один из них только что позволил мне прикоснуться к себе. Чудо, Розита моя, это чудо. Благословенна будь твоя доброта.

Тади. Я повторяю это имя, не понимая, откуда, из каких глубин памяти оно появилось и обожгло мой язык. Тади, это не последняя наша встреча, клянусь тебе. Я буду приходить к водопаду утром и вечером, если понадобится, я поставлю палатку и буду ночевать на этом месте. Мы встретимся, и я узнаю твои секреты.

Только не уплывай, прошу тебя.

У меня осталось так мало надежды.

Два дня я не заплываю в приток. Два дня избегаю водопада, отказываюсь сопровождать Мамиту и Тонто под разными предложениями – то слишком жарко, то у воды плохой вкус, то хвост болит. Мамита смотрит на меня все подозрительнее, мальши ехидничают, сочиняя для меня новые причины вроде «воспаления лени» или «сердцекружения».

Ах, да ведь он прав – мое сердце кружится, как сумасшедшее, оно трепещет и выдирается из груди возле притока. Я действительно болен, хотя меня никто не ранил, отравлен, не вкусив яда. Моя болезнь, мой яд – она. Днем и ночью я вижу золотисто-розовый вихрь, чувствую ее руку на своей коже, слышу странные звуки «та... ди».

«Плохо, Молодой. Ты ушел к предкам»

Мамита ласково тычетя носом в мою грудь, всплывает, я следую за ней.

«Не понимаю»

Она гладит меня сочувственной мыслеволной.

«Наши предки были родичами двуногих, Молодой. Но они поссорились с ними. Двуногие очень злые, им всегда всего мало. Праотец Уну разозлился на них и увел свое племя под воду. Наши пути разошлись очень давно...»

От неожиданности я дергаюсь и задеваю ее хвостом. Она будто не замечает.

«... но они и в воде не оставили нас в покое. Били-убивали, мучили, ловили наших детей. Нас осталось мало. Поэтому забудь о ней, Молодой. Иначе погибнешь, превратишься в...»

Я бросаюсь вперед, не дослушав, мое тело пронзает толщу воды, скорость все возрастает и возрастает. Два каймана бросаются в сторону, чувствуя сокрушительную мыслеволну моего гнева. Маленькая водяная змея от испуга прячется за плывущей корягой. Быстрее, еще быстрее – так, чтобы сознание помутнело, кожа раскалилась, мышцы свело от усталости, чтобы воспоминания перестали копошиться внутри.

У берега слышится плеск. Я инстинктивно ныряю, задерживаю дыхание. Сам того не заметив, я доплыл до Места Старика.

В глазах темнеет, я вынужден всплыть на поверхность. Я делаю это так, как всегда – очень тихо, и прячусь за спасительной оградой из топляка.

На песчаной отмели стоит она. В руках у нее сладкие водяные цветы, голова задумчиво наклонена, ножка рисует полукружья и линии, в которых нет смысла, в которых смысла больше, чем во всех наших песнях и преданиях, сказках и легендах.

Старик выходит из убежища и приближается к ней. Она вскидывает голову и улыбается ему. Я чувствую, как утихший было гнев разгорается снова. Она не может принадлежать к его семье. Она ему не родич. Может быть... нет, это безумие... но... может ли она быть его парой?

Я это выясню.

Пять дней я механически проделываю все необходимые действия строго по графику. Раскапываю маленькие высохшие водоемы по левому берегу притока, извлекаю скользких чешуйчатников из глиняных гробиков, отношу в хижину, делаю все необходимые замеры, охлаждаю их в портативной криокамере. При температуре минус шесть содержание ихтиоморфина в мозгу остается на нужном уровне, клетки не повреждаются. Закончив сбор материалов для Ортеги, я отправляю ему сообщение и прошу выслать курьера на биостанцию, расположенную возле эко-отеля «Регент Лодж Амазонас». Его по-детски радостный ответ немного отвлекает меня от возрастающего с каждой минутой разочарования.

Какая глупость, в самом деле. Инии не территориальные животные, самец за это время мог уплыть хоть за тридевять земель. Во время дневной работы я повторяю сухие строчки из справочника, но по ночам, ворочаясь на сырых простынях и разглядывая от нечего делать подвешенные к потолку парусники Джофре, посылаю все справочники и энциклопедии мира в известном направлении.

Каждое утро перед началом раскопок я выхожу к водопаду и насвистываю «Дорогу к счастью» Боуриню. Каждый вечер кидаю плоские камушки, стараясь, чтобы они несколько раз подпрыгнули перед тем, как опуститься на дно реки. Обедаю тоже там, хотя это и не очень удобно. Елена, глупая Елена. Сказочница Елена Ривалду, дитя в двадцать пять лет.

На шестой день Энрике «Рик» Келадо вновь появляется на горизонте, нарядный и гордый собой – точь-в-точь павлин, углядевший вождельную самочку. Он здоровается со мной, с Джофре, выгружает заказ, принимает от меня тщательно упакованную криокамеру и начинает распускать хвост.

– Сеньорита Ривалду, вы прямо цветете.

– Ты тоже неплохо выглядишь, – я наливаю мужчинам охлажденного в реке пива, а себе – чашку крепчайшего черного кофе. Эх, что мне стоило уйти на полчаса раньше и поручить Джофре самому разобраться с отправкой посылки...

Келадо отхлебывает пиво и прилипает глазами к моему мягкому месту. Даже отсюда, из кухни, я вижу реакцию Черного. Старик мгновенно осушает стакан и произносит что-то одними губами. Зная Джофре, я легко отгадываю содержание беззвучной реплики и распаиваю дверцу шкафчика, чтобы хоть как-то спрятать от обоих свое исказившееся от смеха лицо.

– А у нас сегодня танцы, – Рик гнет свою линию. – Хоакин заказал рок-группу из Манауса. Я подумал, ну что вам сидеть в этой дыре и ковыряться с грязными жабами...

– С чешуйчатниками, – я возвращаюсь в большую комнату и сажусь за стол. Кофе сварен так, как нужно. Великолепно.

Он побалтывает пивом в стакане. Красив, что и говорить, но назойлив и самоуверен. Первый парень на деревне, кумир всех девчонок-туристок и страшный сон их родителей.

– Я и говорю, с чешуйчатниками. Все равно, грязные твари. А вы – чудо как хороши, Елена Прекрасная, Елена Эрмоса. Хотите, заеду сегодня часиков в пять, отвезу в отель? У нас, конечно, не Рио, но самбу мы танцевать умеем. И в соседней индейской деревеньке можно неплохо развлечься.

Я делаю вид, что обдумываю предложение. Полминуты, не больше. Рик подается вперед и прикусывает губу. Сквозь маску сорвиголовы вдруг просвечивает лицо маленького мальчика, не дождавшегося подарка на Рождество.

– Извини, не получится. У меня сегодня очень напряженный график работы. К вечеру я смогу разве что доползти до койки. И потом, жених будет звонить. Он у меня ревнивый.

Мальчик куда-то пропадает, его место занимает разочарованный самец. Допиваю кофе, иду сполоснуть чашку, краем глаза наблюдая, как Рик прощается с Джофре и отчаливает.

Джофре провожает гостя, возвращается и наливает себе щедрую порцию пива.

– Германики тоже не дураки. Но в их Высокие княжества меня бы под дулом автомата не заставили поехать.

И, почти не делая паузы между фразами, добавляет:

– Когда он умер?

Я замираю с мокрой чашкой в одной руке и полотенцем в другой. Мы смотрим друг на друга.

Должна бы уже знать – играть в гляделки с Черным бесполезно. Да и вообще – играть...

– После карнавала.

– Как?

– Утонул. Купался с приятелем. Он хорошо плавал, отлично. Но случилась судорога... судорога... и...

Мой язык заплетается, словно все запасы мирового алкоголя хлынули разом в вены. Чашка падает и дзинькает осколками. Я закусываю полотенце зубами, и Черный очень нежно обнимает меня за плечи и притягивает к себе.

– Ай, моя нинья, золотая девочка, – шепчет он. Я хватаюсь за его рубашку – в этот раз чистую и выглаженную – и начинаю рыдать так, будто через минуту меня убьют. – Бедная моя девочка.

Неизжитое горе выходит из меня с болью и натугой – ребенок, которого я носила в себе эти месяцы, уродливое нелюбимое дитя, отравившее мои сны. Сны, в которых Кристоаль тонет у меня на глазах (волосы у него отчего-то светлые), и черная радуга вытягивается по красному жидкому небу; сны о серебряном ангеле, уносящем меня в небеса... Если Ортега сумеет синтезировать ихтиоморфин, возможно, я смогу перестать их видеть... Джофре гладит меня по волосам и молчит.

Когда я затихаю, он усаживает меня, отнимает дурацкое полотенце и так же молча подает белоснежную льняную салфетку. Шумно высморкавшись, я вытираю кулаком глаза.

– Как ты узнал?

Черный забирает салфетку. Глаза у него совсем не холодные... почему я раньше этого не замечала? И угрюмости нет. Лицо усталого, многожды падавшего и столько же раз поднимавшегося воина. Моего друга.

– Ты врать не умеешь. Как соврала Рику про жениха, так я все и понял.

Я шмыгаю носом и вздыхаю.

– Раз ты понял, значит и он тоже...

– Ха! У этого жеребца слух не тот, и глаза не там. В следующий раз я ему поставлю по фонарю на каждый, чтоб не паялился, куда не надо...

Я фыркаю и снова утираю глаза. Никуда не годишься, Елена – то ревешь в три ручья, то смеешься, как ненормальная.

– Ах ты, хитрый лис. Специально меня сметишь, да?

Джофре пожимает могучими плечами и отходит к столику с неугасимой свечой.

Поправляет свечу, поднимает глаза на портрет Марии, обводит рамку пальцем.

– Хоть на это я гожусь, нинья...

Я умираю без нее. Рыба – песок и глина, небо – камень, солнце – острога, пронзающая мое нутро, мысли – сеть, из которой нельзя вырваться.

Помоги, Праотец, помоги, Пльвуций-с-Черепами. Услышь своего сына.

Прошло уже несколько недель. Нужно смириться, иния уплыла. Ничего не поделаешь.

Информационная сводка, последние новости. Отключаю голосовой режим. По экрану коммуникатора бегут бледно-зеленые строчки. «...по неподтвержденным данным, в главный военный госпиталь Манауса поступило уже пять солдат с признаками острого инфекционного заболевания. Пресс-служба Военного Управления не дает комментариев. Главный врач центрального госпиталя, подполковник Роберто Гальвес, объявил о начале режима „карантин-1“. По его словам, это обычная мера предосторожности, и вероятность распространения инфекции на данный момент невелика. На вопрос о категории опасности заболевания Гальвес ответил: „Мы направили пробы крови и слюны в лабораторию, ответ пока не получен. По предварительной оценке, инфекция неопасна, соответствует приблизительно уровню категории D“. К другим новостям. В рамках визита заместителя Председателя Федерального Совета в Высокие Княжества было подписано новое торговое соглашение...»

Коммуникатор летит в угол, я жмурюсь и легонько массирую лоб над бровями.

Река плещется внутри. Я уже не могу отличить себя от нее. А надо ли?

Глава 3

Дождь-отец раскрывает свои серые тяжелые крылья над Великой Матерью и сельвой, гулко рокочет, призывая своих детей. Мать жадно пьет его щедро разливающиеся соки, дышит, растет, раскидывается все шире. Деревья стонут под ее неумолимым натиском, медленно сдаются на милость Матери, и вода захлестывает их корни, стволы, пожирает темную землю, насыщаясь и насыщая. Я плыву по лесу, и длинные лианы задевают мою голову, осыпаясь крупными зеленовато-голубыми соцветиями. Мир един, и я един с миром.

Мамита движется плавно и очень красиво. Она не отвечает на вопросы любопытного Тонто, радующегося первому в его жизни сезону дождей. Не поворачивается ко мне. Наверное, устала от моего постоянного сопротивления.

Мы доплываем до тайной протоки, одного из последних оставшихся путей в Дом Уну.

«Прощай, Молодой»

«Прощай, Мамита»

Мы снова замолкаем. Что еще можно сказать сейчас? Пожалуй, что и ничего...

«Жаль, что ты не хочешь уйти с нами, Молодой»

Мамита излучает грусть и безнадежность. Непоседа Тонто, видно, поняв важность момента, перестает болтать.

«Не могу. Просто не могу... ты же понимаешь»

«Понимаю. Ты любишь ее. Будь счастлив, и помни о цене. Пожалуйста»

«Запомню. Любви и охоты, Мамита»

«Любви и охоты, Молодой»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.